

Вет. Ленинград, 1984, бытность

К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Михаил ДУДИН

С ПУШКИНЫМ!

В Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» готовится к выходу в свет сборник Михаила Дудина «Поле притяжения».

Сегодня с разрешения издательства мы знакомим наших читателей с одной из глав сборника.

Здесь, как о будущем рассказ, Живет поэзия повсюду... «В Михайловском»

Невозможно себе представить Александра Сергеевича Пушкина охотником, вскидывающим ружье и выцеливающим поднятых собаками дупелей или в пустых осенних полях спускающим борзых вдогонку убегающему зайцу.

Стрелял он—правда, из пистолета—неплохо, пулю в плечо всаживал, но это была стрельба для разрядки, что ли, от деревенского вынужденного одиночества.

Иногда он принимал участие в стрельбе около банкы в имении Осиповых в Тригорском, когда к молодому Вульффу вместе с Пушкиным являлся из Дерпта, неугомонный Языков, и они от избытка чувств палили в белый свет, как в копеечку, на радость притворно пугающихся дочерей Осиповой да и самой хозяйки, любившей повеселиться вместе с молодежью.

Но это была игра, а не охота.

Да и в книгах у Пушкина вы не найдете воспевания охотничьей страсти. У него и Дубровский убивает медведя не по доброй воле.

Пушкин любил жизнь во всем ее живом многообразии. Он любил слушать иволгу, следить за утиными выводками на сонной предзакатной глади Маленца, жирующими около камыша, на открытой воде, возле обнесенного срубом родничка, из которого брали на усадьбу воду для самовара.

Он, наверное, от души радовался этому пестрому покоему пернатому миру скворцов и дроздов, соловьев и синиц, снегирей и дятлов, тетеревов, рябчиков и куликов, токующих на отметах Сороти и Кучане, анстов, разгуливающих в поисках лягушек на заливном лугу, подвижных, как ртуть, трясогузок, помахивающих длинными лопаточками хвостов на всех дорожках, спящих тут и там.

Он любил слушать кукушку, ее однообразно задумчивый голос, голос самого быстротечного времени, голос, как бы обязывающий наполнять это время смыслом жизни. Он любил жизнь. Радовался ее движению.

И как бы в ответ на эту любовь многоликая, пестрая жизнь славит его и поныне в заповедных местах его очарований, его страстей.

Александр Сергеевич любил жизнь любовью творческой, беззаветной, вызывавшей ответную волну любви от всего, к чему обращался его светлый гений.

Мне иногда кажется, что белый анст, свивший гнездо на высокой ели у самого входа на усадьбу со стороны Маленца, закидывая голову и рассыпая сухую барабанную дробь часто-часто вибрирующим клювом, как бы прилетел из вчерашнего... пушкинского века, сместил времена, связав судьбы этих веренищ идущих людей, идущих каждый день на свидание с Пушкиным, с теми днями, когда Пушкин сам томился здесь, ликовал и плакал, восхищался и скорбел, прозревая и угадывая смутные очертания будущего своим духовным взором. И в этой реальности связи есть неизъяснимая прелесть веры в силу человеческого духа.

...Здесь была пустыня. Немские фашисты не оставили здесь камня на камне. Все было в золе, в пепле, в колючей ржавой проволоке, и тощий суглинок был обезображен рвами и траншеями и начинен минами.

Они даже заминировали саму могилу Пушкина, там, на холме Святогорского монастыря.

Безумцы! Песня взмыла жаворонком над мятым полем.

Запрокинь голову, прищури глаза, чтобы тебя не ослепило солнце, и послушай — он звенит, этот невидимый жаворонек, и вызывает во всем жившем ответную песню радости жизни, весеннего ее обновления.

Да, я помню эту пустыню. Но я не помню, как она пре-

вратилась опять в мир пушкинского удивления.

Он снова возник естественно и неожиданно, как песня жаворонка в солнечное утро над изумрудной рожью, по которой прошел ветерок и смахнул прохладную росную пыль, освежив дыхание и прояснив глаза.

Да, я помню, как вот на этих голых, обожженных валунах, еще с не смытой дождями гарью, ввевшейся в ноздреватую каменную плоть, плотники закладывали первый венец пушкинского дома.

Пролетело тридцать с лишним лет. Сколько людей прошло через этот порог за это время мимо колыбели самой поэзии, не замечая того, что эта колыбель отстроена заново?..

Но я помню, что здесь была пустыня.

И забывать об этом преступно, потому что забвение равносильно самой катастрофе, грозящей живой душе мира.

Светлый гений Александра Сергеевича Пушкина уже вне зависимости от нашего желания сопровождает каждого из нас всю жизнь от первого до последнего дня. Он всеобъемлющ и поэтому необходим нам как доверительный советчик, как учитель и утешитель, как пример всех тех благородных качеств и свойств человека, которые и делают его человеком.

Мы остаемся благодарными ему за этот поразительный опыт нравственных начал в течение всей своей жизни: и в момент ее раскрытия, и на вершине ее торжества, и на склонах дней, у того рубежа, когда нам как очищение в наших помыслах и в раздумьях о жизни вдруг приходят на память примиряющие с вечностью мудрые слова:

И пусть у гробового входа Младая будет жизнь играть...

И для меня тоже мой прекрасный Пушкин начинался тогда, в золотую пору младенчества, когда моя мама, качая зыбку сестреники, зимним вечером пела тихим грудным голосом «Буря мглою небо кроет...». Пела ради того, чтобы сестреника заснула, и ради того, наверное, чтобы успокоить какую-то бурю в своей душе.

Мама моя была неграмотной, и она, наверное, не знала, что эту песню написал Пушкин, да ей до этого не было никакого дела, она, эта песня, существовала для нее как воздух, как небо и земля, как зимняя ночь за окном, полная тревоги и неожиданности, полная надежды на завтрашний рассвет, на сияние света радости над бесконечными снегами с тенью синих сугробов.

Пушкин мне так же, как и всем, кто с ним общался, открывал Родину в волшебной ее конкретности; и ученый кот на золотой цепи, рассказывающий сказки, был действительно тем чудом живой поэзии, которая наполняла мальчишеское воображение и делала окружающий мир трепетным и волшебным.

Я помню, как учитель нашей сельской школы Александр Николаевич Куракин, красавец с волнистыми каштановыми волосами, единственный человек во всей округе носивший галстук, читал нам вслух:

Пока свободой горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы!

Я не знаю, вспомнил ли эти слова мой однополчанин Дмитрий Молодцов там, на левом берегу Невы, во время тяжелого боя, когда разрывали железное кольцо блокады Ленинграда, бросаясь на амбразуру фашистского дзота, смертью своей прикрывая своих товарищей.

Может быть, в секунду духовного взлета он не вспомнил этих слов, но я уверен, что подвиг его души был воспитан и этими пушкинскими словами.

Я думал об этом недавно у могилы Дмитрия Молодцова, на месте его героической гибели. Я зачерпнул полную горсть речного, высушенного морозом песка, и он тек из кулака тонкой струйкой долго-долго на скованный белым снегом холмик скупой солдатской памяти.

Пушкин учил нас верности и благородству:

Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим.

Какая пронзительная человечность в этих словах, рыцарски великодушных и мудрых, как сама жизнь, как ее неумирающее звучание. В них надо вслушиваться, сосредоточиваясь на их откровении, сверяя свой внутренний мир с их обнаженной, пульсирующей трепетом жизни сутью. Это чудо проникновения в человеческую душу, умения заставить эту душу верить в свое высокое призвание.

В День Победы — 9 мая 1945 года — Пушкин тоже пришел на этот великий праздник утверждения победившей жизни. Я ощущал его живое дыхание в робкой зелени сиреневых куртин на Марсовом поле и не мог отстраниться от наваждения этих слов, от этой высокой истины:

Да здравствует солнце! Да скроется тьма!

Я понял только одно в этот благословенный день: что, оказывается, там, в холоде и голоде блокады, в адском сплетении грохота и огня, мы жили и этой пушкинской верой в праздник разума, и он пришел по пеплу и крови просветленной Победой.

Таков он, гений Пушкина. Поэзия всегда там, где из искры возгорается пламя. Она — как кислород для этого пламени. Истинная поэзия не может быть не гражданской. И творчество Пушкина — неоспоримое тому подтверждение.

Время идет, и неотвратимость поступательного движения самой Истории поднимает все выше ленинскую правду моей земли над трудным путем человеческого прогресса, и поэзия Пушкина с самых первых дней революции сроднилась с ней.

И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал.

Вспоминая эти слова, я мысленно переношусь в июнь сорок девятого года, в только что восстановленный из руин, еще пахнувший не совсем просохшей краской Царкосельский лицей и вижу полуприкрытые полукругом тяжелых веж, горящие темным огнем глаза Пабло Неруды, слышу его гортанный голос. Неруда стоит на том же самом месте, где когда-то стоял Пушкин, читая стихи Державину на выпускном экзамене. Неруда не знает об этом. Но я слышу в переводе его слова, слова поэта, принимающего пушкинскую эстафету:

Пушкин, ты старший брат поэзии и свободы! Далеко за пределами твоих обширных границ — твоя Родина...

В некрологе, напечатанном в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», Александр Сергеевич Пушкин был назван «солнцем русской поэзии».

Мы можем добавить сегодня к этим прекрасным словам, что это солнце незакатно, что свет его идет все дальше, шире, что время не затуманивает, а проясняет творческую благородную душу поэта, открывая в ней все новые грани.

Пушкин современен потоку самой жизни.

И как пророчески точно проникновенно и открыто сказано у него:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа...

Пушкин, его образ, не смыаемый временем, его светлый гений, открывающий все новые горизонты, — это наш праздник.

...Я люблю приезжать в Михайловское, в эти места заповедных очарований.

Добрый хозяин Пушкинского заповедника Семен Степанович Гейченко приучил меня по своему примеру вставать рано, вместе с петухом, который, слетев с яблонь, где он ночует, разводит золотую радугу крыльев, набирает в грудь воздуха, выгибает шею и оглашает этот притихший, готовый преобразиться мир мощными перекатами голоса.

Мир начинает оживать на наших глазах. И радость пробуждения жизни захватывает нас своей песней, своей свежестью, и стрекот мотоцикла, как пулемет, просторивший рассвет, кажется диким и нелепым.

А потом понемногу начинают сходиться посетители. Сначала одиночки, для которых здесь все свято, все преполнено особым, высокого смысла. Потом появятся экскурсия, потом толпа начинает пестреть на всех дорожках, и голос иволги на фоне людского говора, как голос скрипки, все-таки сводит к одному знаменателю разноголосицу наступившего дня.

...Заповедник есть заповедник, и в нем стрелять не положено. Поэтому в нем много всякой живности — и летающей, и бегающей. А когда осенью начинается охота, вся птица с окрестных озер слетается на Маленец и Кучане, под защиту Пушкина. И это прекрасно.